

ШАЛВА - УЧИТЕЛЬ

НА ЧАШКУ ЧАЯ

НАШ СЕГОДНЯШНИЙ СОБЕСЕДНИК - ВЕЛИКИЙ ПЕДАГОГ И МУДРЫЙ ЧЕЛОВЕК Ш.А. АМОНАШВИЛИ

Я видел, как его узнавали на рынке в Телави, как встречали в родном селе: «Здравствуй, Шалва-учитель!» Здесь еще живы люди, которые помнят его мальчишкой, танцующим перед ранеными в местном госпитале.

Помнят его деда-строителя и мудрую бабушку. Самый известный в мире грузинский педагог живет теперь здесь только летом. С осени до весны он кочует по России, от Калининграда до Владивостока, проводя семинары, лекции, показательные уроки, открывая новые экспериментальные классы.

Сегодня, в День учителя, наш собеседник - Шалва Александрович Амонашвили. Почетный академик РАН, доктор психологических наук, профессор Тбилисского университета, руководитель лаборатории гуманной педагогики при Московском городском педагогическом университете, почетный профессор Пражского университета, издатель «Антологии гуманной педагогики».

Наша беседа состоялась в кахетинском селе Бушети, в доме, где из каждого окна видны горы.

- Шалва Александрович, даже тому, кто очень далек от школьных проблем, хорошо знакомо ваше имя. Многие помнят ваше выступление на первом Съезде народных депутатов после событий девятого апреля в Тбилиси. Вы прорвались на трибуну, чтобы сказать правду...

- Я не прорывался, я должен был выступать по проблемам образования и знал об этом дня за три-четыре. Писал текст для выступления, а тут события в Тбилиси. Я бросил все, улетел туда. Видел погибших детей, молодых людей. Был в семьях на панихидах. Помню, как прощались с погибшей девушкой-десятиклассницей. Тяжело об этом вспоминать. Вернулся в Москву с убеждением, что выступать не буду, не могу. Как я заберусь на трибуну и буду говорить, что образование нам нужно такое и такое, а в Грузии ждут, что грузин скажет о случившейся трагедии! Я послал письмо Лукьянову с отказом от выступления. Затем предложил своим коллегам по грузинской делегации выступить вместо меня, я имел право отдать свои десять минут другому депутату... Но никто не решился: вдруг скажешь не то, что нужно, а потом как возвращаться в Тбилиси? Я снова попробовал написать выступление - ничего не получается, волнуясь.

Не очень доверяя тому, кто должен был передать мое письмо Лукьянову, я пошел в президентум и снова подал заявление, что отказываюсь от выступления. Возвращаюсь в зал и слышу, как Лукьянов объясняет: сегодня на первом заседании будут выступать такие-то, и называет мою фамилию! Текст, который я пытался набросать, остался в гостинице. Я прикинул, что до моего выступления остается двадцать минут и побегал в гостиницу «Россия». Я не помню, как я бежал и как вернулся... Я вошел в зал и даже не сел на свое место.

- Пришло ваше время?

- Да, Лукьянов будто увидел меня: «Слово дается Амонашвили». Затем он сказал, что после меня выступит еще Айтматов и этим завершится первая половина дня. А я в это время иду на трибуну. И думаю, что вот сейчас поднимусь и скажу то, что я хочу сказать... Я сказал, что Союз нельзя уже держать на штыках. С помощью военных сил мы не сможем сохранить Союз, это абсолютно исключено. Пришло другое поколение, другой образ мышления, другая атмосфера. Есть единственная возможность сохранить Союз - это наша духовная общность. Если побережем эту общность, то и Союз будет сохранен. Если мы будем ругать друг друга здесь, произносить скверные слова, то скоро разойдемся. Но грузины останутся грузинами, сказал я. Если к нам приедут гости из России, из других республик, то все равно за нашим столом будет и чаю, и много закуски. Мы, грузины, принимаем так всегда.

- А про школу вы совсем ничего не говорили?

- Нет, я сказал, что без воспитания духовности школа теряет свое назначение. Если школа русская, то там должна быть воспитанная русская духовность, если грузинская школа, то она должна быть пронизана грузинской культурой...

- Но политики вас не услышали.

- Да, Союз не уберегли. Но скажу откровенно: не хочу смотреть на прошлое, что там все было хорошо, а сейчас все так плохо. Я верю, что пройдут годы и нормально будем жить. Не могут народы, которые так долго и мирно жили вместе, просто так расстаться. У нас одна религия и множество духовных связей. Пушкин, Грибоедов, Лермонтов, Пастернак - разве можем мы их забыть?

- Так же и для нас звучат знакомой, родной музыкой имена Руставели, Пиромани, Гудашвили, Чавчавадзе, Табидзе, Думбадзе, Кикабидзе, Данелиа...

- Эта духовная общность делает свое дело, она как маг-

нит. Люди поймут, что было такое время, когда соседи поспорились, и должно пройти какое-то время, чтобы кто-то сделал первый шаг. Грузины - отличный народ, но им трудно сделать первый шаг, чтобы примириться.

- Я видел в центре Тбилиси, рядом с парламентом, восстановленную школу номер один, удивительно красивое здание! Говорят, его помогла восстановить Россия?

- Да, это заслуга мэра Москвы Юрия Лужкова. Во времена Гамсахурдия эта школа была разрушена дотла. Каждый год Москва посылает в Тбилиси са-

не работают, потому что нет отопления. Люди, которые живут на земле, бедствуют. Виноград уже не так ценится, не закупается, а если и закупается, то за гроши. А растить виноград - это же труд неимоверный! Можно потратить много, а получишь мизерное. Вот придет град с той стороны и уничтожит все. И вот в таких условиях государство бросило крестьянина. А вино - это же наша культура! Оно было бы принято на мировом рынке, потому что наше вино лучше многих французских и испанских вин. Если бы была работа, Кахетия могла бы стать

Так бери эти мысли и устраивай русскую школу. А идеи Ивана Ильина, его мудрость, его концепция школы - почему их не востребовать? Я полагаю, что каждая школа должна нести дух народа, его самобытность.

- Школу в России часто ругают за консерватизм. Так, может быть, это не так и плохо - консерватизм, устойчивость, верность сложившимся традициям?..

- Конечно, она должна хранить традиции, а не ломаться под первым напором моды. Россия - великая страна. Она должна дать пример и Грузии, и

ют, как овощи, - «стандарт» и «нестандарт». Сколько переживаний вокруг этого, сколько униженных самолюбий, сколько нарушенных привязанностей! И во имя чего все это?

- Еще Выготский говорил, что развитие и знание - разные вещи. Ребенок может знать очень много, но не быть развитым. Другой может быть развитым, но чего-то не знать. Но развитый и незнающий завтра далеко перепрыгнет знающего и пойдет вперед стремительно. Развитость и есть гарант приобретения знаний. Но определить степень развитости ребенка почти невозможно. Сам Выготский строил тесты для этого, но у него не получилось. А сейчас приходят люди после трехмесячных курсов, объявляют себя психологами и говорят, что их методика самая верная и она должна определять судьбу детей.

- Но вот вам скажут: Шалва Александрович, что же вы отвергаете все тесты? Есть разные тесты. Давайте уберем из школ плохие тесты и раздадим всем хорошие...

- Ну это еще надо доказать, что они хорошие. Притом доказать через целостный опыт, через жизнь человека. Вспоминая одного мальчика, который был у меня в классе. Его звали Сосо. У него был жестокий отец, который избивал его чуть ли не с года. А сам он и без того был болезненный. В первом классе Сосо во время урока ходил по рядам в пальто, свистел, брякал. Что мне было делать: накричать на мальчика, сказать матери, чтобы забрала его? Меня спасло терпение. Когда мальчик устраивал такие выходки, дети начинали смеяться над ним. Я решил поговорить с классом отдельно, без этого мальчика. Я сказал им: мне трудно и Сосо трудно, потому что он родился не очень здоровым, помогите мне. Я им как бы дал роль взрослого человека, я попросил их о помощи во взрослых делах. И стали дети так ласково, терпеливо, мягко к мальчику относиться. Тем временем Сосо прошел обследование, и врачи сказали, что его лучше отправить во вспомогательную школу и дали мне заключение, но я эту бумагу не взял. Мальчик окончил первый класс, не освоив ни чтение, ни счет. И так еще два года он не мог ничему научиться. Я приходил к нему в семью и говорил отцу: «Ты знаешь, что я - учитель твоего ребенка! Если ты будешь продолжать избивать сына, я это так не оставлю».

Тогда были еще партийные органы. Потом я собираю мам этого двора и говорю: «Помогите мне, не зовите моего ученика дебилом, не запрещайте вашим детям играть с ним». Просто уговорил их по-человечески. Собрал старшекласников и сказал: «Слушайте, вы идете одной дорогой дорогой с моим Сосо, так я вам поручаю опекать его, не давать в обиду, чтобы он чувствовал, что у него есть друзья». Конечно, не все мамы, не все старшекласники послушали меня, но все учителя в школе мне помогли, но все равно атмосфера изменилась, и на третий год жизни в школе мальчик раскрывался. Ой, как он начал читать! Ребенок прекрасно окончил школу, женился, университет окончил. А ведь я мог его своей рукой сплать во вспомогательную школу! И тест отбросил бы его. Психологи бы сказали: сам виноват, что он такой родился...

- В своей последней книге вы пишете, что на смену эпохе технократизма приходит эпоха сердца и духовности. Вы остаетесь идеалистом. Мне кажется, что технократизм еще только приступил к поглощению нашего постсоветского пространства...

- Попробую оправдаться. Эпоха длится очень долго, при нашей жизни смены эпох мы не увидим. России в этой смене предписана особая роль. Я это чувствую, когда езжу по областям России, выступаю по пять-семь часов в переполненных залах. Я вижу российское учительство. Много усталых, измученных передрыгками людей, но какие живые, светлые глаза!

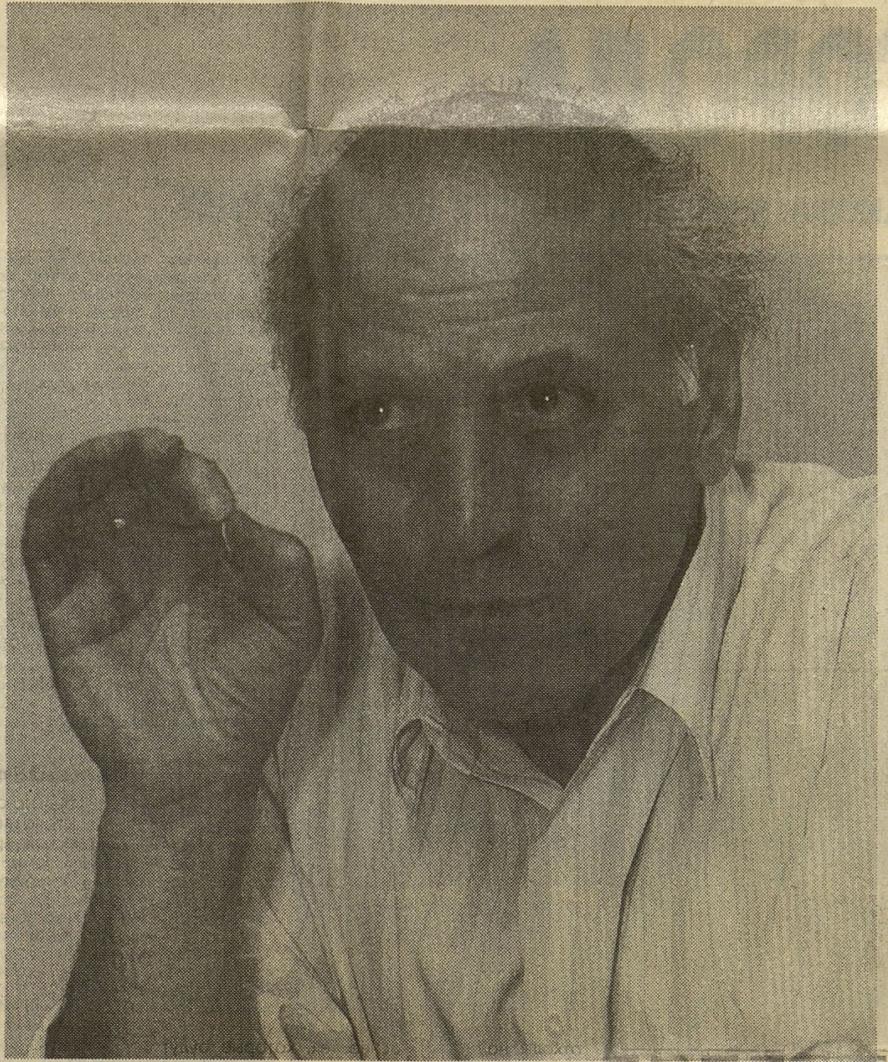
- Не только государству, но и обществу сейчас нет никакого дела до школы. Даже говорить о педагогике при таком несвоевременном роскошью...

- Вы думаете о своих детях?

- Конечно, все время думаю.

- А получится ли у вас думать о них без педагогики?.. Как их порадовать, что им сказать, что им подарить... Это не педагогика разве? Вся ваша озбоченность о том, какие будут дети - разве это на них не влияет? Разве мои думы оторваны от моих внуков? Нет, они купаются в этом, они защищены этим. То, что мы посылаем от сердца детям, - это защищает их вечно. Вот как воспитываются хорошие дети. Пусть много-много родителей думают о детях. И пусть думают хорошо, возвышенно - и будут хорошие дети.

Дмитрий ШЕВАРОВ.
с. БУШЕТИ,
ТЕЛАВСКИЙ РАЙОН,
ГРУЗИЯ.

молет с учебниками для школ. Грузинские студенты учатся в Московском университете. Я очень благодарен председателю Московского комитета образования Любови Петровне Кезиной за помощь школам Грузии. Она не чиновник, нет. Она очень глубокий, интересный, мужественный человек. Теперь такой же шаг должны сделать политики двух стран уже на высшем уровне.

- Здесь, в Грузии, я был необыкновенно тронут, когда люди, догадавшись, что я приезжий, спрашивали: «Вы из Москвы? Как хорошо! А раньше мы по три раза в год в Москву ездили. Как жаль, что Россия ослабла, вот и мы страдаем...»

- После Тбилиси для меня Москва - самый любимый город. Когда-то она меня спасла. Верные люди, которые живут в Москве... Куда бы я ни приехал в России, меня принимают как своего.

- Не чувствуете никакого «железного занавеса»?

- Нет, что вы! Может, этот занавес есть между политиками, но между простыми людьми - только доброта, любовь. Как-то в Перми после семинара ко мне подходят старая-старая женщина с дочкой, и дочка уже в летах, она ведет свою маму, а та протягивает мне дрожащими руками что-то завернутое в бумагу. Вам, говорит, сейчас в Грузии плохо, а это икона, которая защищает Грузию. Я раскрываю сверток, а там - святой Георгий, покровитель Грузии. Старинная русская эмаль, редкость большая. Я говорю, что не могу это взять. «Как же не можете», - огорчается эта женщина, - я жила в Грузии, я очень люблю Грузию. Сейчас она страдает очень, берите, я вас очень прошу, эта икона должна быть у вас...» Еще она подарила мне открытки с видами старого Тбилиси, выпущенные еще в начале века, изумительные открытки. Я опять отказываюсь, они снова обе просят: возьмите, не обижайте нас... Вот после этого как я могу не ценить русских?.. Я возвращаюсь в Грузию, иду к нашему патриарху Илия II, я знаю, люблю и уважаю его. Прихожу к нему и говорю: «Вот что мне подарили в России. Я, наверное, должен эту икону передать вам, чтобы это хранилось, где вы считаете нужным...» А он мне ответил: «Если подарили вам, то пусть это будет с вами. Берегите эту драгоценность...»

- Я вижу, что Грузия живет очень трудно. В вашем селе дают только на два часа в день...

- Особенно тяжело зимой. В самые холодные месяцы школы

процветающим краем виноделия.

Много молодых ребят уезжают, бросают землю, ищут счастье на стороне. Как они найдут счастье? Оно нигде не лежит. Счастье - это мое переживание. Если не умею переживать внутри себя радости, больши и маленькие, как я найду счастье? Счастье - не клад, который вдруг открывешь где-то и радуешься: вот, нашел! Кто-то потерял, а я нашел. Это миражное счастье.

- Сейчас многие политики в России ищут национальную идею. Как-то наш президент даже дал задание своим советникам: найдите идею. Вот найдем и будем жить хорошо...

- Она есть, зачем искать? Это русская духовность, это православие, которое роднит Россию с Грузией. Вот что надо уберечь и развить. А пересадить идею откуда-нибудь из Австралии - смешно. Это все равно что пересадить куда-нибудь наш виноград хвончара - он не приживется. А если и приживется, это будет не хвончара. Что-то другое будет, с другим запахом, с другим цветом, с другим вкусом. Может, лучше будет, но не то... А вот Киндзмараули - это маленькое село, одно село! И только там выращивают такой виноград и делают такое вино. Так же и с национальной идеей - ее нельзя присвоить, замисловить. Нельзя древние корни рождают и наш национальный дух. Вот уберечь этот дух и есть главная идея всех, кто поставлен руководить государством.

- Мы знаем, что у каждого народа есть свои традиции воспитания, но можно ли говорить: русская педагогика, грузинская педагогика...

- Свои краски существуют у каждого народа. Все классики педагогической мысли начинали с развития национальной педагогической культуры, но затем они шли дальше. И обобщения, которые даются ими, они уже охватывают все культуры независимо от исторических условий.

- Но брать готовую педагогическую практику из одной страны и переносить ее в другую вред ли разумно?

- Очень опасно, когда Грузия или Россия импортируют школы. Завозят и культивируют, допустим, систему Ховарда или вальдорфскую школу. Пусть эта школа цветет там, где она зародилась, в Германии. Это школа немецкой духовности, и создатель ее, Штайнер, - истинный немец. А у России есть Бердяев, философ, чьи мысли для педагогов не менее плодотворны, чем мысли Рудольфа Штайнера.

многим другим странам в сохранении личности учителя. Россия покажет еще себя в лучшем качестве всему миру. Сейчас она обеднена, даже порабощена в чем-то - это все уйдет. Сегодня России трудно материализовать идеи своих философов и педагогов, но ведь идеи не умирают, и наступит время, когда постепенно они будут реализованы.

- В российской прессе недавно была большая дискуссия вокруг введения программ сексуального образования. Меня эти программы не просто пугают, как они пугают почти всех родителей, которые думают о своих детях. Меня удручает глянецовый холодок технологий, который лежит на всех этих программах, и агрессивного пренебрежения той почвой, где эти знания планируются насажать...

- Я видел эти программы, знаком с ними. Из Государственной Думы спрашивали мое заключение. Я дал отрицательную оценку. И вот мое объяснение. Я буду это объяснять, исходя из грузинской культуры, но она чрезвычайно близка к российской православной культуре. Верь или не верь в Бога, но вся наша жизнь опирается на эту культуру. Человек должен иметь право на сокровенность интимной жизни. А если туда вторгаются технология, публичность, то выхолащиваются интимность, нравственность, исчезают тайна и чистота. Мне как-то рассказали, что в одной американской школе психологи решили выделить уголок, где просто кладут презервативы. Они выяснили, что их в первую очередь разбирают девочки. Безнравственный, на мой взгляд, эксперимент. Что мог сказать после этого мальчик? Я ненавижу эту девочку, она никогда не станет моей женой! Наша культура напроць отвергает такие эксперименты и такие программы.

Но посмотрим на эту проблему с точки зрения экономики, что здесь кроется? Те, кто поддерживает эти программы, говорят на языке доллара. Американским компаниям нужен новый рынок для сбыта продукции определенного рода. Будет рынок, будет прибыль, пройдут годы, но сколько будет искалечено жизней?

- Грузинская школа тоже испытывает такое давление?

- К счастью, нет. Маленькая страна, от нас маленькая выгода.

- Последние годы многие школы переживают бум тестирования - тестируют при поступлении, после третьего класса, после девятого... По итогам тестов детей сортиру-